

Хребтовый год пятилетки¹

Когда слушаешь работников нашей страны, когда чувствуешь, как они обращаются к тебе со своими нуждами, то невольно испытываешь смущение. Какой бы человек ни был, какая бы организация ни была, но поднять на плечи это гигантское строительство пятилетия и сказать: «Моя воля здесь ведет это гигантское, историческое дело», — я думаю, никому не под силу. Выход из такого положения только один — откровенно сказать стране — мы все ясно сейчас видим, какое громадное значение имеет эта плановая хозяйственная работа. Но под силу она лишь великому коллективу. Наши прения в сумме свидетельствуют о том, что у нас уже имеется общая база, что мы на ней твердо стоим и хотим своими заявками не изменить ее установку, а улучшить, добавить, указать, что пропущено. Мы чувствуем, что как ни трудна задача плановой перестройки нашего народного хозяйства, но почва расчищена, что многое уже в значительной степени сделано, что мы для всего народного хозяйства заложили уже солидные плановые рельсы. Надо, чтобы эти рельсы проходили действительно во все уголки огромной территории нашей страны, надо, чтобы отряды работников, ведущих плановое строительство, не замыкались в ведомства и учреждения, чтобы мы с каждым годом вновь и вновь получали все более растущую смычку с трудящимися, чтобы планы эти охватывали бы весь огромный их коллектив.

Мы все должны констатировать, что значительный путь в этом отношении пройден. Хозяйство стоит уже на плановых рельсах, но еще огромный путь нам надо пройти для того, чтобы плановое строительство было всенародным строительством. И поэтому еще и еще раз с этой трибуны я прошу вас обратить внимание на то, что сейчас, в этот хозяйственный период, среди всех организационных вопросов есть чрезвычайно острый организационный вопрос — это налаживание плановой хозяйственной работы. Надо, чтобы плановые ячейки были буквально во всех хозяйственных органах, чтобы каждый районный совет имел свою плановую ячейку, чтобы каждая фабрика и завод имели свои плановые организации, чтобы каждый крупный колхоз учился подходить к хозяйственному строительству как к плановому строительству. В частности, должен вам сказать, что мы прилагаем все усилия к тому, чтобы основной наш плановый штаб — Госплан Союза —

¹ Литературно обработанное заключительное слово по докладу на 8-й сессии ЦИК Союза ССР V созыва (декабрь 1929 г.).

в ближайшие сроки реорганизовать, реконструировать так, чтобы он свои организующие планы в грядущие годы строил лучше, чем было в прошлые годы.

Что мы в направлении реорганизации Госплана Союза делаем? Я должен вас информировать, что одним из крупнейших таких сдвигов я считаю новую сплоченность в плановой работе со статистической работой. Учет статистический должен перестать быть орудием в запасе. Мы должны констатировать, что до сих пор наша статистика не совсем своевременно приходила на помощь хозяйственному строительству и часто давала нам материалы уже после того, как нужда в этих материалах отпадала. Нам все чаще и чаще приходится вспоминать слова Владимира Ильича, что необходимо делать так, чтобы статистики были нашими действительными помощниками. В нынешнем году мы предполагаем статистические органы связать с плановыми органами уже по-другому. В частности, центральный аппарат статистики, оставаясь свободным в своих оперативных действиях, в своей работе будет теснейшим образом связан с Госпланом Союза, и управляющий статистикой будет заместителем председателя Госплана, будет работать в президиуме Госплана. В областных плановых органах статистический аппарат будет прямо слит с плановым аппаратом. Это большой сдвиг. Я думаю, что в дальнейших наших плановых работах мы будем пользоваться статистическими данными уже более основательно подобранными, не так кустарно, как это до сих пор нам приходилось делать.

Кроме того, вы в контрольных цифрах 1929/30 г. впервые видите более подробно разработанный раздел районного разреза хозяйства. Сейчас мы имеем все надежды на то, что некоторая разногласица, которая была в восприятии хозяйственных проблем в районном и в общесоюзном разрезе, устранится тем, что во всех экономических районах уже работают плановые органы. Некоторые из них насчитывают сроки существования в течение нескольких месяцев, и то, что некоторым кажется забытым, неучтенным, — объясняется просто новизной дела. Будет крепнуть рать работников в районах, в специальных плановых органах, подкрепленных статистическими аппаратами и учащих на практике великому хозяйственному строительству, будет крепнуть и весь наш хозяйственный план.

С другой стороны, мы чувствуем все, что при разрешении хозяйственных вопросов нам нужно еще теснее связаться со всеми научно-исследовательскими работами. До сих пор мы не можем не отметить рассыпанности этого фронта. У нас есть много научно-исследовательских органов, живущих своей самостоятельной жизнью. Едва ли в каком-нибудь разрезе нашего хозяйства существует такая разобщенность, — как это ни странно, — как среди научных учреждений. Мы ставим задачу в Госплане Союза создать мощный сектор культуры и науки для того, чтобы рассыпанной строй научно-исследовательской мысли подтянуть, поставить тоже на плановые рельсы. Такой сдвиг, несомненно, скажется положительными результатами уже в ближайших наших работах.

Наконец нет никакого сомнения, что только теперь, когда мы прошли уже значительное поле предварительных работ, мы сможем свойственную этому этапу строительства ударность направить на культурный фронт. Мы думаем, что сектор культуры в таком центральном хозяйственном штабе как Госплан Союза, ОСР должен теперь тоже быть организован по-новому, подтягивая новые силы.

Но если подвести итоги прений, которые мы здесь слышали, то, помимо общей черты, которую я уже подчеркнул, т. е. признания того, что основной базис хозяйственного строительства намечен в планах достаточно ясно и твердо для всех наших работ, — помимо этого, бросается в глаза то, что мы еще только вооружаемся. Полоса хозяйственной работы, в которую мы сейчас вступаем, это — полоса крупного грандиозного строительства, но вместе с тем это еще полоса вооружения; мы еще не вооружены, и было бы странно требовать, чтобы в процессе этого вооружения мы уже могли удовлетворять этим гигантским потребностям, охватывающим нас со всех сторон. Ясно, что только тогда, когда мы вооружимся, станет неизмеримо легче: мы тогда поднимем все хозяйство на новый уровень, вооружимся такими ресурсами, которых сейчас не имеем, и тогда многое из того, что сейчас нам кажется таким затруднительным, будет уже не столь тяжелым. Но пока — мы в полосе вооружения.

Мы сейчас еще во многих отношениях, так сказать, должны. Мы знаем, что большое строительство, для того чтобы его реализовать, требует два-три, а иногда и пять лет.

Пока эти новые сооружения не вступили в оборот, они являются некоторым грузом в нашем текущем хозяйстве. Некоторым кажется, что очень легко было бы получить временное улучшение в нашем продовольственном положении, в отношении товаров широкого потребления и т. д., — стоит только отказаться от вложений в эти капитальные работы, обратить эти средства на закупку потребительского фонда, и мы получили бы временное облегчение. Это не верно. Мы этого сделать не можем, потому что отказаться от машинного вооружения — значит отказаться от того, чтобы взять судьбу в свои руки.

Для того, чтобы пояснить этот процесс машинного вооружения, сопоставлю то, что вкладывается в Германии, — передовой индустриальной капиталистической стране, — по машинному вооружению на душу населения, с тем, что вкладывается у нас. Данные эти вы найдете у нас в контрольных цифрах. В расчете на душу населения в марках в 1924 г. Германия вкладывала по машинному вооружению 27 марок, в 1925 г. — 36 марок, в 1926 г. — 47 марок. Мы, начиная с 1924 г., уже не проживаем наше старое вооружение, а перевооружаемся новыми машинами. Вот цифры: в 1925 г. мы могли ассигновать для этой цели на душу населения 4,3 марки, в 1926 г. — 7 марок, в 1927 г. — 9 марок, в 1928 г. — 13 марок и только в 1929 г. — 21 марку. Вы видите, что мы только теперь подошли к тем нормам, которые Германия имела давно.

Несмотря на то, что мы вкладываем огромные средства, машинное перевооружение у нас далеко еще недостаточно. Но интересно было бы сделать общую прикидку — а как, все-таки, по сумме средств, при этом небольшом расходе на душу населения, мощно ли перевооружается наш народ? Я обращаю ваше внимание на один общий расчет наших экономистов. Хотя такие расчеты грубы, но все-таки они показательны и хорошо отвечают тем нашим врагам, которые отрицают то, что мы идем вперед, и которые говорят, что наше хозяйство деградирует, идет назад. Вот элементарный расчет: у нас каждый год вступает новая рать работоспособных в размере 1.800 тыс. чел. В среднем, если мы подсчитаем наши производственные фонды, то у нас до последнего времени на каждого работоспособного производственных фондов приходилось на душу около 1.000 рублей. Для того чтобы этот отряд работников, вступающих каждый год в наше строительство, вооружить по среднему уровню, мы должны на 1.800 тыс. чел. дать капиталовложений не меньше, чем на сумму 1.800 млн. рублей. Тогда мы не ухудшали бы производственную вооруженность, но и только. Теперь посмотрите, как мы идем по контрольным цифрам в 1929/30 г.? В производственную базу промышленности, в ее фонды мы вкладываем около 4 млрд. руб. Следовательно, при тех темпах, которые мы взяли, мы по одной промышленности удваиваем нашу производственную вооруженность для всего прироста наших работоспособных. Вот это говорит нам о том, что мы время даром не тратим, и что как ни трудно это переходное время, мы все-таки идем быстрыми темпами вперед, укрепляем хозяйственную позицию наших трудящихся.

Если бы действительно было такое положение, что наши планы были бы безукоризненны, что это означало бы? Это означало, что мы, собственно говоря, уже проблему коллективного хозяйства социализма разрешили, потому что ведь мы говорим, что только социалистический строй — такой строй, когда в его высших формах каждый получает по потребностям и от каждого требуется по его возможностям, когда все удовлетворены, желать нечего и остается думать только о движении вперед и не на почве удовлетворения элементарных материальных потребностей, а на почве дальнейшего всестороннего развития человека.

Совершенно ясно, когда мы говорим что мы строим социализм, — это значит, что мы еще не построили его. Совершенно ясно, что такое положение, когда планы, разработанные кем угодно, были бы на 100% удовлетворяющими нас, еще далеко от осуществления у нас. Мы всемерно должны в этом направлении двигаться, но заранее знать, что каждый из наших планов подлежит в дальнейшем переработке, поправке, улучшению, что он только относительно удовлетворяет наши потребности. Но как раз в 1929/30 г. мы переживаем громадный перелом в этом отношении, потому что мы резко, решительно ломаем самое больное место планового хозяйства.

Какое самое больное место планового хозяйства было во всю нашу предшествующую экономическую историю? Конечно, вот эти 26 млн. разобщенных крестьянских хозяйств, из которых каждое ду-

мало устроиться само по себе, опираясь на игру цен, на вольный рынок; 26 млн. единиц этого хозяйства с валовой продукцией, составляющей свыше 40% всей нашей валовой продукции, имело огромную стихийную силу. Имея такой огромный остов частных, индивидуальных хозяйств, мы могли говорить об общем народнохозяйственном плане только с некоторыми приближениями. Теперь, когда вы ясно видите, что на ваших глазах ломается этот строй частного деревенского хозяйства, вы должны чувствовать полную уверенность в том, что одновременно ломается неуверенность в наших плановых установках, устраняется то, что мешало прочным плановым рельсам. Если 1929/30 г. является годом решительного перелома в судьбах частного крестьянского хозяйства, то, вместе с тем, это — год решительного перелома в судьбах планового хозяйства. Тем большее внимание мы должны обратить на положение планового хозяйства, подойти к этому разделу нашей организации с величайшей бдительностью.

Иногда слышишь такие замечания: ну хорошо, если вы строите плановое хозяйство, если вы учитываете всесторонние нужды различных районов, различных ветвей нашего хозяйства, нельзя ли устроить так, чтобы, благодаря этому учету, было полегче подниматься в гору? Я думаю, что для того, чтобы сделать такой расчет, мы должны себе представить, а что было бы, если бы у нас той плановой работы, которая проходит на ваших глазах, не было, если бы огромные районы, отдельные отрасли хозяйства попробовали идти по своей воле. Для всех ясно, что тут наступило бы такое столкновение интересов, такие случайности в решениях, что было бы очень и очень плохо большому целому нашего народного хозяйства. Вот, что надо помнить. Нам от напряжения великого строительства не уйти. Если бы вышло так, что вы, переживающие эту эпоху, вы, труженики, на плечах которых — постромки от огромных хозяйственных грузов, которые вы поднимаете на новый хозяйственный уровень, вдруг бы почувствовали резкое облегчение, что это показало бы? Это показало бы одно: постромки оборвались, вы оторвались от того хозяйственного поезда, который вы вели. Выхода нет, тяжесть грузов, которую вы испытываете, — это результат напряженности плана. Напряженность плана — результат нашего общего желания в быстрый срок окончить муки переходного времени, перейти в кратчайшие сроки к тому развернутому плановому режиму хозяйства, когда отношения человека к природе и человека к человеку будут совершенно другие.

Наши экономисты делают один любопытный подсчет, который я бы хотел, чтобы вы также заметили в дополнение к тому, что вы имеете в наших материалах. Мы останавливаемся на вопросе, нельзя ли подсчитать общую эффективность наших капитальных вложений в часах труда. Экономят ли они что-нибудь для трудящихся в дальнейшем и сколько? Такой расчет сделан. Если взять пятилетний план

в той форме, в какой он был нами впервые выпущен, без всяких поправок которые мы теперь делаем, то оказывается что, осуществляя эту строительную программу каждым часом труда, который падает на вас в осуществление этой строительной программы, вы сберегаете для грядущих работников свыше 7 часов труда. Вы в семь раз облегчаете работу тех, кто пойдет по вашим следам, когда будет выполнен этот план. Я думаю, что если сделать подсчет по теперешнему размаху, то коэффициент будет не 7, а, скажем, 9—10. Во всяком случае, помните, что та тяжесть, которую вы поднимаете на свои плечи, как она ни тяжела, она вместе с тем избавляет тех, кто пойдет за вами следом, от десятикратной тяжести.

Тем не менее, задача всех плановых, всех хозяйственных органов, оценивая напряженность плана, грандиозность задач, которые стоят перед нами,—все сделать для того, чтобы помочь пережить это время с минимальными затратами, лишениями. Мы стараемся, в меру наших сил, в этом народнохозяйственном плане воздать каждому свое, рассматривая отрасли за отраслями, территории за территориями, стараемся с вашей помощью поставить каждого на место, но есть одна задача, которая, на мой взгляд, должна быть поставлена как специальная задача, и поднята новым напряжением всех наших сил.

Какая эта задача? Мы энергично преобразовываем наше хозяйство, но прошлое еще висит над нами громадным грузом, и когда мы начинаем изучать, как в различных разделах народного хозяйства сказывается это прошлое, мы видим, что наша хозяйственная работа везде и всюду сопровождается большими ненужными потерями. Некоторые указывали, что мы имеем эти потери, например, тогда, когда руководствуемся старыми нормами. Инженер Точинский здесь совершенно правильно отмечает это относительно норм НКПС по приему металлоизделий. Нам указывают, что если посмотреть, какая доля металла поступает в изделия и какая пропадает как брак, то половина пропадает в виде отбросов. Правильно это или нет? Я думаю, что современная техника позволяет иметь совершенно другие соотношения.

Возьмем такой огромный раздел как ж.-д. транспорт. Оказывается, что если посмотреть движение грузов, которое требует сотен миллионов рублей для своего исполнения, требует расхода многих миллионов тонн драгоценного топлива, то мы наблюдаем еще огромное количество встречных потоков, завозки грузов не туда, куда нужно, злоупотребление транспортными средствами. Здесь огромное поле потерь, которое подлежит специальному изучению. Если взять сельское хозяйство, еще вопрос—сообразно ли почвенным условиям, сообразно ли значимости того или иного растения мы эксплуатируем эту огромнейшую территорию данными растениями. Подсчитайте здесь потери,—они тоже чрезвычайно велики. Борьба с этими потерями в различных разделах нашего хозяйства, борьба, которая должна опираться на совершенно исключительные особенности социалистического преобразования нашего хозяйства, все это является сейчас не-

отложным для нашего тщательного, внимательного изучения. Мы предполагаем в нынешнем году в Госплане устроить специальную группу работников, которая сидела бы как раз над этим делом, которая связалась бы со всеми организациями страны, чтобы помогать изживать эти потери.

Возьмем потери на продовольственном фронте. Мы знаем с вами, что здесь вахта особенно нужна, потому что 1929 г., с результатами которого мы вошли в 1929/30 хозяйственный год, вовсе не дает нам простора в этом отношении. Мы должны усиленно вести нормирование снабжения, вводить классовый паек, должны очень и очень позаботиться, чтобы с мясным и молочным довольствием не было так тесно. А вот оказывается, что около 30% продовольственных грузов в каналах нашего обращения портятся прежде, чем доходят до потребителя. Это говорит о том, что и здесь огромное поле работы. Мы должны быстрее подойти к этому, должны привлечь крупнейших работников для этого дела и, кроме того, призвать самих трудящихся к соответствующему контролю. Только всенародными усилиями сможем мы продвинуться быстро вперед и помочь с этой стороны изживанию трудностей переходного времени.

Товарищи, всякий раз, когда переходишь от вопросов плановых к вопросам оперативной хозяйственной жизни, видишь, какую огромную роль играет оперативный, исполнительный аппарат. Можно написать хорошие законы, но если их некому исполнять — плохо. План — своего рода хозяйственный закон. Это одна сторона дела. Хозяйственная жизнь должна сочетать умелую выработку законов с умелой расстановкой действующих сил, с умелым воспитанием этих действующих сил. Нужно признать, что один фактор здесь является для нас отрицательным, это — культурно-бытовые условия. На настоящей сессии, по-моему, особенно яркую иллюстрацию в этом отношении давали делегатки. Я не могу не подчеркнуть этого чрезвычайно страдного факта, что сами женщины, которые близко стоят к этому вопросу, на которых особенно тяжело падают эти бытовые условия, решительно подходят к большим сторонам этого нашего строительства. Здесь еще многое не сделано так, как нужно. Характеризуя культурно-бытовую сторону, в контрольных цифрах мы сказали, что употребим все усилия на то, чтобы 1929/30 год был годом великого культурного перелома. Ясно, почему этот вопрос находился у нас в некотором отставании. Потому, что нельзя сразу решить тысячу дел. Только теперь, когда мы настолько укрепили себя по линии основной, решающей,—по линии крупной промышленности,—когда мы ясно ощущаем, что в сельском хозяйстве стоим крепче,—только теперь мы можем сказать, что у нас есть средства для того, чтобы и этот фронт сделать ударным фронтом. Помощь женщин имеет колоссальное значение. Мне хочется с этой трибуны засвидетельствовать, что женщина-делегатка честно выполнила ту задачу, которую поручили ей ее избиратели.

В частности, придется обратить особое внимание на жилищные условия, на новое городское строительство. Я получаю много писем от рабочих, которые указывают, что здесь иногда и с основной установкой неблагоприятно, что мало создать столько-то квадратных метров жилища. Для того чтобы подойти к решению нашего жилищного вопроса, нам надо так строить жилища, чтобы не плодить новых мешчан, чтобы в этом жилище рос другой человек, который будет работать не на своей кухоньке, не у своего очага, не на своем огорожке, чтобы рос новый, общественный человек. И помощь женщины в этом отношении будет чрезвычайно важна. Надо, чтобы новые дома в той части их, где женщина отрывается от общественной нагрузки и приковывается к домашнему очагу, чтобы эти дома были построены по-другому. Известно, что в Америке женщины являются большими поборницами за внедрение электрической энергии в обслуживание бытовых надобностей. Это потому, что бытовое значение электрификации громадно. Она освобождает женщину-работницу от целого ряда трудных физических домашних работ. Я надеюсь, что в новых домах жилищного строительства мы обратим внимание на эту сторону и их электрифицируем по-новому, чтобы помочь женщине не нести ту нагрузку, которую она несет в старой обстановке. В этой связи большое бытовое значение может получить и газификация.

Из больших проблем хозяйственного значения, которые здесь обсуждались, я хотел бы остановиться только на одной проблеме: это взвешивание соотношений сил Урала и Украины. Мне кажется, что неправильно будет смотреть так, что эти два района должны что-то такое делить. У каждого из них свои колоссальные задачи. Они должны не делить, а нести каждый свою специальную нагрузку, на основе определенного разделения труда. И украинцы должны совершенно спокойно признать, что, помимо того нового, что мы имеем с кизеловским углем, его коксованием, по новым разведкам рудных и минеральных богатств на Урале, по новым работам в Сибири, в связи с теми потребностями, которые Сибирь предъявила к Уралу, нам еще придется пересмотреть уральскую программу в сторону ее подъема. И не только для нужд развития народного хозяйства, как такового, но еще и для другой важной задачи: для задачи обороны нашей страны. Нельзя закрывать глаза на то, что Урал—это хребет нашей обороны, и товарищи украинцы должны этот момент учитывать и знать, что то строительство, которое уместно будет поставить на Урале, неуместно — на Украине.

Я не останавливаюсь на некоторых замечаниях конкретного свойства, в частности, относительно неравномерного распределения тракторов. Вы заслушаете здесь специальный доклад по этому вопросу и увидите, что большего форсирования тракторного строительства, чем то, которое делаем мы, трудно себе и представить. Мы напрягаем все усилия, чтобы сделаться как можно скорее первой в мире страной по производству тракторов. Вы должны иметь в виду следующие цифры:

Америка имеет свыше 800 тыс. тракторов. Мы в нашей стране рассчитываем в нынешнем 1929/30 г. перейти к 60 тыс. тракторам. Расстояние огромное. По нашим расчетам, наши хозяйства и не потребуют того, что требуют американцы с их раздробленными фермерскими хозяйствами. Но для того, чтобы удовлетворить тракторные нужды, нам необходимо иметь по крайней мере 400 тыс. тракторов. Ясно, что мы не можем быстро справиться с удовлетворением потребностей такого масштаба. Поэтому некоторая диспропорция в разделении есть: каждый район не удовлетворен.

Но я должен сказать, что упреки, которые сделали некоторые товарищи, неправильны. В частности, Казакстану назначено значительное количество тракторов—свыше 4 тысяч, и его дело—распределить эти трактора между Турксибом и другими районами. Точно так же для Сибирского края намечается 3.900 тракторов, а не 1.100, как говорил один товарищ из Сибирского края. Во всяком случае, нужно сказать, что в этом году, при строительстве колхозов, придется в значительных размерах опереться на умелую организацию использования лошадиной тяги.

Одним из характерных обстоятельств нашей сессии следует признать следующее: едва ли когда-нибудь с этой кафедры мы выслушивали подряд столько разных ответственных представителей нашей науки и техники. Выходили на кафедру профессора, инженеры, агрономы, металлурги, и мы с величайшим интересом прислушивались к их словам. Мы должны, как общее наше впечатление, отметить, что в словах этих товарищей мы слышали честный, убежденный голос работников, бесповоротно решившихся идти с нами рука об руку в социалистическом строительстве. Когда-то Владимир Ильич говорил о том, что на наших съездах, по мере развертывания нашего народного хозяйства, все больше и больше будут участвовать агрономы, инженеры и техники, люди высокой технической квалификации, из которых — подчеркивал он — каждый по-своему приходит к социализму. Настоящая сессия свидетельствует о том, что и в этом направлении мы движемся вперед. Я думаю, что этот факт, наряду с тем фактом, что мы все преисполнены уверенности, что 1929/30 г. дает новую великую смычку между рабочим и крестьянином и, как правильно сказал т. Бондаренко, мы в этой смычке видим те же черты, ту же силу, которая проежила себя в исторический военно-боевой период, является важнейшим выводом всех наших обсуждений контрольных цифр. Это вливает в нас уверенность, что мы справимся со всеми трудностями, что мы представляем собою действительно несокрушимую силу.